

Традиционная китайская проза

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 895.1
ББК 83.3(5Кит)
Т65

Перевод с китайского, комментарии В. М. Алексеева

Т65 **Традиционная** китайская проза : [антология] / [пер. с кит., коммент. В. Алексеева]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 319 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-07316-7

В антологию вошли шедевры китайской классической танской и сунской прозы. Произведения печатаются в переводах академика В. М. Алексеева (1881–1951). Китайские ученые отзываются о его переводах как о непревзойденных образцах воссоздания текстов на иностранном языке.

УДК 895.1
ББК 83.3(5Кит)

ISBN 978-5-517-07316-7

© Алексеев В. М., наследники, перевод
на русский язык, комментарии, 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

Гаданье о жилье

Когда Цюй Юаня изгнали, он целых три года не мог снова свидеться с князем своим. Он истощил свой ум, все сердце выложил свое и все-таки был отстранен и затемнен клеветником. В сердце было совсем беспокойно, и в думе заботной — смущенье большое; не знал он, за кем и за чем идти. И направился он повидаться с великим гадателем Чжэн Чжань-инем и сказал ему так: «У меня на душе есть сомнения. Поэтому я бы хотел, чтобы вы, уважаемый, их разрешили». Чжань-инь тогда торжественно и чинно раскладывать стал цэ, гадательную траву, и пыль стер с гадального щита священной черепахи гуй. Сказал: «Почтеннейший, вы что такое изволите приказать?» А Цюй Юань: «Мне быть ли искренне искренним, честно открытым, с простым и преданным сердцем? Иль мне отойти в суету и заботы мирские, чтоб этим нужду прекратить? Заняться ли мне очисткой земли от травы, сорняков, чтобы после усердно пахать? Или мне обойти всех могущественных людей, чтоб имя составить себе? Мне стоит ли словом прямым говорить, без утайки, и за это опять подвергаться беде? Иль надо идти за пошлым богатством и чином, чтобы было приятно пожить кое-как? Мне стоит ли, право, высоко вздыматься и там пребывать, чтоб мне свою правду в себе уберечь? Или мне говорить „да“ и „так“, лстя другим, „хи-хи-хи“, „хе-хе-хе“ и подслушивать к влиятельным женам? Мне нужно ли честным быть, чистым, прямым и негнущимся мужем, что-

бы вечно себя сохранять в чистоте? Иль нужно всегда извиваться, скользить и крутиться, как жир помады, как гладкий ремень, чтобы обвить, округлить все утлые уступы? И должен ли я горделиво, достойно держаться, словно скакун, пробегающий тысячу ли¹? Иль, быть может, мне лишь полоскаться, нырять в воде, словно утке какой-то? Идти за волною то вверх, то вниз, воровато себе свою жизнь сохраняя? Мне стоит ли соперничать в той же упряжке с известнейшим Цзи-рысаком? Иль мне лишь плестись по следам бесполезной, усталой клячи? Мне нужно ли будет в размахе сравниться с крыльями Желтой Цапли? Иль надо мне с курочкой-утицей вместе драться за пищу свою? Вот в этом всем — что принесет мне счастье и что грозит мне неудачей? Что надо отвергнуть, что надо принять мне? Весь мир пребывает в грязи и нечист. И крылья цикады тяжелыми стали, а тысячи цзюней² — легки. Желтого золота колокол брошен, разрушен совсем, котел же из глины громами гремит. Клеветник воспарил и занял все выси, а достойный ученый остался бесславным. О горе, о горе! Кому ведома честность моя, чистота?»

Чжань-инь тут, стебли отложив гадальных трав, отказался от дела, сказал: «Говорят, что и чи³ может быть коротенок и цунь⁴ может быть длинноват. Бывает и с вещью, что нужного в ней не хватает; бывает и с мудрым, что он кое в чем не прозорлив. Бывает с гадальным расчетом, что он не доходит до дела. Бывает, что духи в иных вещах не прозрели. Вашу душу, почтенный, учесть, намеренья ваши, почтеннейший, осуществить — не может об этом дознать совершенно ни щит черепахи, ни стебель травы...»

Отец-рыбак¹

Напевные строфы

Когда Цюй Юань был в изгнание своем, он блуждал по затонам Реки² и бродил, сочиняя стихи³, у вод⁴ великих озер. Мертвенно бледен был вид его и тело — сухой скелет. Отец-рыбак, увидя его, спросил: «Вы, государь, не тот ли самый сановник дворцовых родов? Как же вы дошли до этого?» Цюй Юань сказал: «Весь мир, все люди⁵ грязны, а чистый один лишь я. Все люди везде пьяны, а трезвый один лишь я... Вот почему я и подвергся изгнанию». Отец-рыбак ему: «Мудрец не терпит стеснения от вещей. Нет, он умело идет вместе с миром вперед или вслед миру меняет путь⁶. И если все люди в мире грязны, почему ж не забраться в ту самую грязь и зачем не вздыматься с той самой волной? А если все люди везде пьяны, почему б не дожрать барду и не выпить осадок до дна?.. К чему предаваться глубоким раздумьям, высоко вздыматься над всеми людьми? Ты сам накликал на себя свое изгнание». Сказал Цюй Юань: «Я вот что слышал⁷: тот, кто только что умылся, непременно выколотишь пыль из своей шапки; тот, кто только что купался, непременно пыль стряхнет с одежды. Как же можно своим телом чисто-чистым принять всю грязную грязь вещей? Лучше уж тогда пойти мне к реке Сян, к ее струям, чтобы похоронить себя во чреве рыб⁸ речных. Да и можно ль тому, кто сам белейше-бел, принять прах-мерзость окружающих людей?»

Отец-рыбак лишь еле-еле улыбнулся⁹, ударил по воде веслом, отплыл. Отъехал и запел:

Когда чиста цанланская¹⁰ вода-вода¹¹,
В ней я могу мыть кисти моей шапки,
Когда ж грязна цанланская вода-вода,
В ней я могу и ноги свои мыть...

И удалился, не стал с ним больше разговаривать.

*Сун Юй отвечает чускому князю
на вопрос*

Чуский князь Сян спросил у Сун Юя: «Почтенный, скажите, у вас есть в поведении изъяны, что ли? Почему вас не хвалят так сильно ученые, с ними же вместе и нищий народ?» Сун Юй отвечал: «Да, то так! И это бывает! Хотелось бы мне, чтобы вы, государь, простили б мне мой грех, разрешили б мне высказать все до конца! Был гость захожий в Ин, который песни пел в столице. Он начал с песни под названием „Последний деревенский озорник“. Тогда в уделе Чу нашлось сейчас же много тысяч тех, кто стал подтягивать ему. Когда же он запел про „Лук в росе на южном склоне гор“, то уж нашлись лишь сотни лиц, ему подтягивавших в тон. Когда затем он начал петь про „Солнце, и весну, и белый снег“, то лишь десятки человек — отнюдь не более того — ему подтягивать могли. Потом он пел на ноте шан, и ударял на ноту юй, и в них вмешал поток нот чжи, и уж подтягивать ему могли отдельные лишь лица. И вышло так: чем выше песнь, тем меньше тех, кто вторит ей. Теперь я к этому скажу: среди птиц есть феникс, среди рыб есть гунь. Феникс, вздымаясь, ударит крылами тысяч на девять ли и скроется там далеко за тучами и за лучами. Закроет спиной лазурное небо, взметаясь, резвится над мрачным простором пустот. Представьте, что теперь явился перепел из клетки. Ну, как он может с этой птицей вступить в беседу о небесных и земных высотах? А рыба гунь, отправясь поутру с Куньлуньских пустырей, глядишь, уже своими плавниками задела за Гряды

камней, а вечером ночует у Мэнчжу. Скажите мне, ко-
лючке из лужи в пять вершков, возможно ль с гунем из-
мерять просторы широчайших вод на Цзяне и морях
земли? Таким же порядком не только быть может среди
птиц феникс-фэн или гунь среди рыб, ученые тоже та-
кие бывают. Поверьте, мудрец своей колоссальной мыс-
лью, прекраснейшим делом своим, один, совершенно
один пребывает высоко над всеми вверху, а люди пош-
лейшей толпы — куда им опять же понять то, что делаю
я, ваш подданный раб, государь?»

*Ли Сы в докладе государю
протестует против
изгнания пришельцев*

Циньские родичи царского дома и крупные чиновники обратились к Циньскому государю с таким представлением: «К нам приходят сюда люди от разных удельных князей, определяясь на циньскую службу. Они в большинстве случаев имеют в виду содействовать своими беседами изоляции циньского удела в интересах их собственных повелителей. Просим изгнать их всех без собственных повелителей. Просим изгнать их всех без исключения». Ли Сы по их приговору тоже очутился в числе изгоняемых. Тогда он подал государю рапорт, в котором писал следующее:

«Я слышал, государь, что служащие Ваши решили всех изгнать пришельцев. Позвольте думать мне, что это — заблуждение. Когда-то было так, что князь Му-гун искал себе людей на службу. На западе взял он среди жунов Ю-юя, с востока, в Юань, он добыл Боли Си. Приветствовал Цянь Шу из Сун он, искал Пэй Бао, Гун-сунь Чжи он в Цзинь — вот эти пять господ не родились ведь в Цинь, а князь Му-гун их взял к себе на службу; он присоединил к своим владениям еще десятка два уделов и стал сейчас же властвовать над всеми на западе владения жунов. Князь Сяо-гун провел мероприятия, которые ему дал Шанский Ян: они изменили народные нравы, иначе направили массовый быт. От этих законов народ стал привольнее жить, и все государство от этого стало богатым и сильным тогда. Все сотни родов, на-